

Аналитическая статья

УДК 1(165)

DOI: 10.25688/2078-9238.2024.50.2.2

ИНТЕРЕС И. КАНТА К СОВОКУПНОСТИ СВОЙСТВ РАЗУМА В ДОКРИТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Кучеренко А. В.

Курская академия государственной и муниципальной службы,
Курск, Россия,
kucherenkoav@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования данной проблемы обусловлена существованием в кантоведении, вплоть до настоящего времени, нерешенной задачи создания целостного представления о внутренне непротиворечивой мировоззренческой системе Канта, включающей в себя всю совокупность ее составных частей без какого-либо исключения. В кантоведении принято делить творчество философа на два периода — докритический и критический, разделяя их между собой в принципиальном отношении, что является, конечно же, в значительной степени справедливым. Однако достаточно определенно можно утверждать и о непосредственной преемственности следующих друг за другом периодов, если иметь в виду повышенный интерес Канта в докритический период к разнообразным свойствам разума, поскольку он неизменно обращался к ним в ходе рассуждений по поводу тех или иных переменчивых объектов своего внимания. В конечном итоге в докритический период разум становится неким центром, вокруг которого вращается его мысль. Опираясь на совокупность работ Канта в докритическом периоде, в данной статье представлены характеристики разума, как бы невзначай разбросанные им по разным местам в своих работах. Целью исследования явилось выявление и осмысление Кантом того тяжелого груза проблем, связанных с разумом, к разрешению которых он затем приступит, посвятив этому занятию оставшиеся годы своей жизни.

Ключевые слова: разум, признак, воображение, границы разума, опыт

Для цитирования: Кучеренко А. В. Интерес И. Канта к совокупности свойств разума в докритический период // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2024. № 2 (50). С. 23–33. DOI: 10.25688/2078-9238.2024.50.2.2

Analytical article

UDC 1(165)

DOI: 10.25688/2078-9238.2024.50.2.2

I. KANT'S INTEREST IN THE TOTALITY OF THE PROPERTIES OF THE MIND IN THE PRECRITICAL PERIOD

Alexander V. Kucherenko

Kursk Academy of State and Municipal Service,
Kursk, Russia,
kucherenkoav@yandex.ru

Abstract. The relevance of the study of this problem is due to the existence in Kantology, up to the present time, of the unsolved task of creating a holistic view of Kant's internally consistent worldview system, which includes the entire set of its constituent parts without any exception. In Kantology, it is customary to divide the work of a philosopher into two periods, subcritical and critical, dividing them among themselves in principle, which is, of course, largely fair. However, it is quite definitely possible to assert the direct continuity of successive periods, if we keep in mind Kant's increased interest in the various properties of the mind in the precritical period of his work, since he invariably turned to them in the course of reasoning about certain changeable objects of his attention. Eventually, in the precritical period, the mind becomes a kind of center around which its thought revolves. Based on the totality of Kant's works in the precritical period, this article presents the characteristics of the mind, as if casually scattered by him in different places. The purpose of the study was to identify and comprehend Kant's heavy burden of problems related to reason, which he would then begin to solve, devoting the remaining years of his life to this occupation.

Keywords: mind, attribute, imagination, boundaries of mind, experience

For citation: Kucherenko, A. V. (2024). I. Kant's interest in the totality of the properties of the mind in the precritical period. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (50), 23–33. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2024.50.2.2>

Интерес И. Канта к совокупности свойств разума в докритический период

Как показывает история кантоведения, размышления о творчестве Канта, так или иначе, предполагает раскрытие содержания и объема используемых им понятий, складывающихся затем, как правило, в авторское, и причем достаточно субъективное, отражение ключевых идей и отдельных положений выдающегося философа. В чем причина такого состояния?

Ю. В. Перов отметил, что исследователи Канта выхватывают отдельную грань в кантовских рассуждениях и уже опираясь на нее выстраивают свои разнообразные концепции трактовки кантовской мысли, которые, с одной стороны, «выглядели более логически стройными, цельными и, главное, более последовательными и однозначными» [Перов, 2000, с. 269], чем даже у самого Канта, но, с другой стороны, выступали всего лишь очередной плоской и потому ушербной интерпретацией того, что имел в виду Кант.

С точки зрения отечественного патриарха кантоведения Л. А. Калининкова, «строного, точного, непротиворечивого истолкования системы Канта до сих пор не осуществлено и это одна из фундаментальных задач, которая стоит перед философами...» [Калининков, 2023].

Неизбежно встает вопрос о выборе дальнейшего пути постижения философского наследия Канта при стремлении избежать ставшей уже привычной односторонности и фрагментарности. Как представляется, здесь следует обратить внимание на смысловую многогранность используемых Кантом понятий и не только указать на совокупность присутствующих в отдельном понятии признаков, но и провести затем работу по отделению существенного признака от «второстепенных». Кавычки здесь указывают на то, что любой из них при определенных условиях способен стать центральным по своему значению, подчинив себе в определенный момент и в определенной степени все остальные. Тем самым речь идет об изменении методологического подхода для изучения столь многогранного, противоречивого и глубокого по своему содержанию предмета исследования, как философское наследие Канта, включающего в себя самостоятельное изучение отдельных значений, по удачному словосочетанию Ю. В. Перова, — «в разных ракурсах и измерениях» [Перов, 2000, с. 276].

Наиболее значительный вклад в философию Кант внес своей работой «Критика чистого разума» о процессе познания. Определенной ступенью, подходом к ней служит его докритический период (содержащий более двадцати произведений), в котором мы можем наблюдать повышенный интерес философа к протеканию самого познавательного процесса, поскольку эта тема, так или иначе, проходит лейтмотивом сквозь все его разнообразные рассуждения о мироустройстве с опорой на использование законов классической механики. Решение вопросов, связанных с возникновением и развитием Солнечной системы, формированием Земли, причиной землетрясений, приливного трения, происхождения человеческих рас и прочее, не смогли заслонить интерес Канта к самой возможности и границам процесса познания. Его размышления включают в себя множество сопутствующих понятий: довод, ошибка, опыт, основание, суждение, метод...

Деятельность сознания Канта, как и любого из нас (хотим мы того или нет), подчиняется априорной идее архитектоники, поэтому неизбежно его мировоззрение в самом общем виде и в каждой составной его части системно, а система предполагает наличие некоего центра, служащего одновременно

и основанием самой этой системы. В рассуждениях о естествознании (и свойствах духовности) в докритическом периоде такая точка притяжения основного внимания Канта (на каком бы интересующем его предмете он ни заострял свое внимание) тоже существует, и это разум, выделяющийся на общем фоне рассудочной деятельности, связанной с чувственностью. Таким образом, кроме разума и в целом протекания процесса познания все остальное для него как бы отступает на второй план.

В данном исследовании в центре внимания находится понятие «разум». Две знаменитые критики — «Критика чистого разума» и «Критика практического разума» — непосредственно включают понятие разума в само свое название. «Критика способности суждения», предполагающая рассмотрение содержания двух видов суждения (рефлектирующего и определяющего) также есть не что иное как внешнее проявление противоположных функций той же самой формы априорного разума. Еще одна его работа — «Религия в пределах только разума» — имеющая в своем названии понятие разума, устанавливает пограничную черту между верой и знанием.

В дальнейшем фокусировка нашего внимания на разуме потребует не только указания на его существенный (основной) признак и главную функцию, но и, самое главное, на совокупность сопутствующих ему (как бы несущественных) признаков, рассредоточенных по различным произведениям и присутствующих в разнообразных контекстах.

Ограниченный объем данной статьи не позволяет исчерпывающе решить данную задачу, которая неизбежно должна быть разбита на множество фрагментов в силу своей громоздкости. Для ее решения потребуются многие годы, десятилетия, однако, с другой стороны это не повод отказаться от попытки создания многоликого образа чистого разума пусть даже в его самых общих чертах.

На самой поверхности лежат достаточно хорошо представленные в исследовательской литературе (по работе «Критика чистого разума») указания на то, что основное свойство разума заключается в создании системы по принципу подчинения второстепенных значений главному.

Что основная функция разума регулятивная, и что он не непосредственно имеет дело с разнообразной материей (из которой постоянно формирует системы), а через совокупность категорий.

В силу широко представленных данных характеристик на страницах печати они в данной статье исключаются из рассмотрения, несмотря на их центральное значение.

Обратимся теперь к кантовским произведениям докритического периода, т. е. до опубликования «Критики чистого разума» (1781).

Обращает на себя внимание, что Кант, касаясь в своих рассуждениях самых различных тем и вопросов, неизменно обращается к разуму как к высшему судье, некоему композиционному центру, вызывающему у него повышенный интерес. Именно разум, его ограниченность и его возможности становятся

центром притяжения внимания философа, к которому стремятся все его сопутствующие рассуждения.

В предисловии к своей самой первой опубликованной работе «Мысли об истинной оценке живых сил» он дает обещание читателю «не руководствоваться никакими иными соображениями, кроме велений разума» [Кант, 1963, с. 53]. Его беспокоит то обстоятельство, что сознание под руководством разума способно создавать разнообразные эфемерные представления, которым придается статус реально существующих объектов и процессов. Свою основную задачу и цель всех своих усилий он видит в том, чтобы «перейти из области предрассудков и заблуждений в сферу просвещенного разума» [Кант, 1964, с. 285].

Тем самым Кант преследует ту же самую цель, что и Спиноза, пытавшегося найти «способ врачевания разума» [Спиноза, 1957, с. 324] ради избавления его от недуга создания заблуждений, отделив инородное «от законов разума» [Спиноза, 1957, с. 350]. И при этом «рассмотреть все идеи чистого разума, которые мы находим в себе» [Спиноза, с. 1957, с. 351].

При этом Кант, поддавшись свойству нашего разума выходить за границы опыта, выдвигает целый ряд смелых естественно-научных предположений, многие из которых имеют и сегодня непреходящую ценность (например, возникновение Солнечной системы из газопылевого облака, естественно-научное описание истории формирования Земли...). В одном из очень смелых полетов его воображения он даже представляет (как ему кажется, с высокой степенью достоверности) порядок распределения разумных существ на всех планетах Солнечной системы (кроме Юпитера, из-за неустойчивости его оболочки). По его мнению, более тонкая организация души и разума должна находиться на все большем удалении от источника тепла (Солнца), отводя степени совершенства человеческой духовности некое промежуточное значение. По его предположению, наиболее разумные существа будут присутствовать на более отдаленных от Солнца планетах и могли бы воспринимать великие открытия Ньютона примерно так же, как мы воспринимаем изощрения ума обезьяны. В этом месте трудно удержаться от соблазна, чтобы не обратиться к суждению Спинозы о том, что «идеи фиктивные, ложные и прочие имеют свое начало в воображении» [Спиноза, 1957, с. 349]. Но об этом свойстве прекрасно знает и сам Кант как о неустранимой потребности разума раз за разом поддаваться соблазну терять опору в опыте с последующим порождением иллюзий. Это наглядный пример господства воображения над разумом, вводящим его в добросовестное и с формально-логической стороны достаточно обоснованное заблуждение.

В произведениях докритического периода Кант обволакивает разум коконом из совокупности признаков. Обратимся к ним как к преддверию к основательным рассуждениям Канта о разуме в работе «Критика чистого разума», несмотря на то что это может показаться несколько утомительным и скучным занятием. В этом периоде Кант как бы вразброс и мимоходом указывает на свойства разума, которые затем будет стремиться свести в стройную систему в поиске выхода на их причинную обусловленность.

Данные выдержки, конечно же, не претендуют на исчерпывающее перечисление всех словосочетаний, создающих смысловые значения, окружающие разум.

Первоначально о человеческом разуме в моем авторском пересказе.

Существует определенная мера разумения в процессе размышлений [Кант, 1963, с. 60]; имеет место дрящящаяся веками тирания над разумом ложных воззрений [Кант, 1963, с. 75]; следует встать на защиту чести человеческого разума [Кант, 1963, с. 81]; порой мы ставим перед собой задачи, далеко превосходящие силы нашего разума [Кант, 1963, с. 117]. Разум способен проявлять слабость даже при решении самых простых повседневных и текущих житейских вопросов [Кант, 1963, с. 125]. Разум осторожно заглядывает за границу опыта в область вероятного, наблюдая вечный, строгий и великолепный мировой порядок [Кант, 1963, с. 201]; бесконечное пространство мироздания навсегда останется скрытым от человеческого разума [Кант, 1963, с. 210]; мы прибегаем к аналогии, когда разум теряет причинно-следственную связь в доказательствах [Кант, 1963, с. 210]. Разум негодует по поводу дерзкого безрассудства, когда все в миропорядке пытаются приписать делу случая [Кант, 1963, с. 227]; мы обладаем способностью мыслить разумно [Кант, 1963, с. 248]. Благодаря свету способности суждения разум рассеивает путаницу в мыслях и представлениях [Кант, 1963, с. 250]; разум способен обнаруживать собственное бессилие [Кант, 1963, с. 251]. «Наш темный разум» [Кант, 1963, с. 272] не может обходиться без анализа.

Кант разделяет свойства рассудка и разума, отводя рассудку способность отчетливо познавать, а разуму создавать умозаключения, приходя к выводу, что обе способности предполагают возможность создавать суждения [Кант, 1964, с. 76].

Кант говорит о слабости своего разумения [Кант, 1964, с. 120]. События воспринимаются чувством, а затем осмысливаются разумом [Кант, 1964, с. 133]. Если человек, имея порочные склонности, не может отказаться от наступающих после них пагубных последствий, то это состояние скованности разума следует считать безрассудством [Кант, 1964, с. 232]. Наше воображение способно порождать вздор, вселяя его в наше сознание и при этом игнорировать принципы разума [Кант, 1964, с. 232]. У разума есть два состояния: нормальное и ненормальное; при ненормальном он способен запутываться в собственных суждениях, стремясь подняться к обобщающему понятию [Кант, 1964, с. 238]. Высшие, они же всеобщие формальные принципы разума, состоят в том, что в утвердительных суждениях предикат составляет тождество с субъектом (закон тождества), а в отрицательных суждениях устанавливается противоречие между субъектом и предикатом (закон отрицания) [Кант, 1964, с. 268]. Когда теряются границы опыта, у разумно мыслящего человека заканчивается понимание [Кант, 1964, с. 299]. Задача заключается в том, чтобы из области предрассудков перейти в сферу просвещенного разума [Кант, 1964, с. 285]. Имеет место культура изощренного и утонченного разума [Кант, 1964, с. 286]. Присутствует «сила разума» [Кант, 1964, с. 303]. Существуют вопросы, превосходящие разумение [Кант, 1964, с. 305]. К агностицизму можно отнести

суждение Канта о том, что наш разум не может исчерпать даже самое простое, что доступно чувственности, — каплю воды, песчинку или еще нечто гораздо более простое [Кант, 1964, с. 331]. Разум способен создавать иллюзорные, ложные доводы, порождая слепую веру в их истинность [Кант, 1964, с. 336].

Разум допускает мнимые доводы [Кант, 1964, с. 341]. И еще к агностицизму — разум имеет границы своих возможностей для научного познания действительности, за которые он не сможет далее продвинуться [Кант, 1964, с. 350]. Или вот еще о том же — об узких рубежах разума, за которые исследователь никогда не сможет выйти при осмыслении своей части реальности [Кант, 1964, с. 351]. Границы разума способны суживаться и расширяться [Кант, 1964, с. 351]; существует рубеж, за который разум не способен перейти [Кант, 1964, с. 351]. Разумом создаются вымышленные априорные суждения, не опирающиеся на опыт [Кант, 1964, с. 366]. Разум имеет ограниченность своих возможностей [Кант, 1964, с. 366]. Геометрическое пространство не плод пустого воображения, оно создается чувственным созерцанием, а затем постигается и осваивается понятиями разума [Кант, 1964, с. 385, 379]. Существующие законы чистого разума составляют логику развития научного знания [Кант, 1964, с. 386]. Разумное, или рассудочное познание, подчиняется законам рассудка [Кант, 1964, с. 390]. Созерцание непрерывности возникает раньше понятия разума «непрерывность» [Кант, 1964, с. 402]. Созерцание во времени не диктует законов рассудку, но создает возможность для последующей деятельности разума [Кант, 1964, с. 407]. Критерием истины служит отличие подлинных законов разума от ложно приписываемых ему [Кант, 1964, с. 414]. Генезисом науки служит рассмотрение законов чистого разума [Кант, 1964, с. 414]. Чистый разум содержит аксиомы [Кант, 1964, с. 431]. Понятия чистого разума подводятся под систему совокупности категорий [Кант, 1964, с. 432].

А вот размышления о Божественном разуме и его признаках: в бесконечном разуме Бога предначертаны взаимосвязи и свойства всех вещей [Кант, 1963, с. 121], все порождено Божественным разумом как единственной причиной [Кант, 1963, с. 188]. В Божественном разуме первоначально возникло понятие бесконечности, а затем и мир был создан безграничным [Кант, 1963, с. 204]. Понятие бесконечности возникло в его разуме «сразу» [Кант, 1963, с. 204], т. е. мгновенно; гармония в отношениях между всем существующим проистекает из единого высшего разума, его мудрой идеи [Кант, 1963, с. 228]. Всякие движения согласуются с теми предначертаниями, которые дал им высший разум [Кант, 1963, с. 257]. Бог не нуждается в анализе [Кант, 1963, с. 272]; бесконечный разум не нуждается в том, чтобы в абстрагированиях подниматься к общим понятиям, не нуждается в сопоставлении и соединении понятий для получения следствий [Кант, 1963, с. 296].

Не следуя какому-то объединяющему принципу, концентрированно и сознательно не сосредоточивая внимания на том или ином свойстве разума, кантовская мысль, соскальзывая с конкретного предмета рассуждений, вразброс указывает на значительную совокупность признаков, проявляющих разнообразные

свойства разума. Теперь перед Кантом, не без помощи Д. Юма, разбудившего его от догматического сна, встает задача связать все их в единое гармоничное представление, уточнить характеристики, построить систему по принципу подчиненности, определив для ее возможности достаточное основание.

Что такое разум и каковы его законы? При каких условиях он проявляет противоположные свойства (силу и слабость)? Каково соотношение разума с чувственностью, воображением и верой? Почему разум оказывается в плену вековых заблуждений? Каковы границы, за которые он не должен выходить? В каком соотношении находится разум и способность суждения? В чем проявляется отличие рассудка от разума? Как соотносится разум с человеческой порочностью? Почему разум запутывается в собственных суждениях? В чем заключается культура разума? Что это за условия, при которых разум способен, с одной стороны, просвещать сознание, а с другой — создавать предрассудки? Каковы принципиальные возможности разума в познании окружающей действительности? Чем обусловлено сужение и расширение границ в деятельности разума? Что это за преграда, за которую разум не может перешагнуть в поиске истины, подойдя к пределу своих возможностей? Что может служить для разума критерием истины? Каким образом в историческом аспекте внутренняя логика развития научного знания с внутренней логикой функционирования разума?

Ответы на эти и другие сопутствующие вопросы должны впоследствии подвести Канта к определению содержания понятия — что такое разум и каковы основания для проявления его основных свойств.

Проблемы, поставленные Кантом, не носят чисто теоретического характера — они актуальны не только для оценки современного состояния цивилизации, организации человеческого сознания и поведения, но остаются таковыми навечно, имея непосредственное практическое значение. Кант возложил на себя титанический труд, стремясь ответить на совокупность целого комплекса вопросов при создании целостного, системного представления о сущности разума, его основных свойствах и функциях.

На недостатках человеческого сознания, используя хитросплетения взаимобусловленности разума и веры, способны паразитировать эгоистичные и циничные субъекты в межличностных и общественных отношениях, сознательно и целенаправленно вводя доверчивых в заблуждение при стирании границы между добром и злом. Деятельность разума, сама по себе в своей чистой форме, безразлична к истине и заблуждению, с одинаковой легкостью создавая и то и другое, руководя дальнейшим поведением на основе созданных представлений и принятой системы ценностей. Это всего лишь нейтральный по своей сути инструмент, который может быть использован для достижения как благородных, так и низменных целей. Здесь все зависит от целокупности значений, с опорой на которые при смене достаточных оснований мы способны создавать калейдоскоп разнообразных суждений с учетом тех надежд и пожеланий, которые возлагаем на разум. Проблема соотношения разумности,

нравственности и выгоды; разума и воображения, разума и веры предполагает не только их качественное отличие, но и тесную взаимосвязь — вот как раз этот клубок переплетающихся между собой значений в дальнейшем и будет стремиться распутать Кант в «Критике чистого разума».

Дискуссионные вопросы

Обратимся к исследовательской литературе.

Размышляя о философии Канта, представитель марбургской школы неокантианства П. Наторп в самых общих чертах очерчивает спектр направлений деятельности разума, особо не вникая в тонкости затронутой проблематики, что как раз и является наиболее интересной и важной частью кантовских рассуждений. Так, излагая идею Канта о связи разума и нравственности, он указывает на то, что каждый нравственный поступок «должен быть подчинен высшему господству разума» [Наторп, 2006, с. 92]. Основной «целью в деле воспитания становится высокое развитие нравственного разума в человеке» [Наторп, 2006, с. 100] с учетом того, что разум имеет «одновременно и теоретический и практический характер» [Наторп, 2006, с. 119]. В подобных суждениях Наторпа, особенно касательно включающего в себя словосочетание «нравственный разум», присутствует некая смысловая размытость и двусмысленность, что способствует допущению многовариантности трактовок содержания кантовских положений.

То, что имеют место достаточно своеобразные интерпретации кантовских взглядов на природу разума, мы можем убедиться еще раз, обратившись к работе М. Хайдеггера «Кант и проблема метафизики», посвященной подробному разбору содержания «Критики чистого разума». Хайдеггер вводит понятие «чистый чувственный разум», которого у Канта ни в докритическом периоде, ни в «Критике чистого разума» нет нигде ни в каком контексте. Читаем: «...трансцендентальная способность воображения способна образовывать и поддерживать утверждаемое изначальное единство и цельность специфической конечности человеческого субъекта, как конечности чистого чувственного разума» [Хайдеггер, 1997, с. 160]. Или: «Понятие чистого разума и единство чистого чувственного разума становятся проблемой» [Хайдеггер, 1997, с. 179]. Причем «чистый чувственный разум» появляется у Хайдеггера, когда его рассуждения о теории познания Канта уже перевалили за добрую половину объема его исследования, оказавшись в области возникших в его воображении совершенно отвлеченных и чисто умозрительных умозаключений. Возникает ощущение, что если Кант стремился распутать клубок проблематики, связанный с разумом и окружающими его значениями, то Хайдеггер (пусть и невольно) пытается нас, наоборот, запутать, ссылаясь на Канта.

У Канта в «Критике чистого разума» и «Критике практического разума» мы не встречаем таких словосочетаний, как «нравственный разум» или «чувственный разум», а есть только сочетания, с одной стороны, значений разума

и нравственности, а с другой — разума и чувственности. Кант выводит разум из областей нравственности и чувственности, придавая ему статус автономии — самостоятельного существования. В словосочетаниях «нравственный разум» и «чувственный разум» приоритет как бы, следуя порядку расположения указанных понятий, отдается нравственности и чувственности над разумом, что не соответствует кантовской концепции.

К общему выводу можно отнести то, что в докритический период Кант «созрел» для определения разума своим основным интересом, продолжив напряженные размышления о нем уже на второй, более высокой ступени своего философского творчества.

Список источников

1. Калинин Л. А. Разговор о философии И. Канта. Часть 1. (к 80-летию юбилею Л. А. Калинникова) [Электронный ресурс] // *Philoso FAQ – YouTube*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=imoeJwdVojo&list=PL48Q51pndTVmUbv2jLXV6Ert3dnUd3dU&index=1> (дата обращения: 28.10.2023).
2. Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 1. М.: Мысль. 1963. 543 с.
3. Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 2. М.: Мысль. 1964. 611 с.
4. Перов Ю. В. Антропологическое измерение в трансцендентальной философии Канта / Ю. В. Перов, К. А. Сергеев, Я. А. Слинин // *Очерки истории классического немецкого идеализма*. СПб.: Наука. 2000. С. 268–341.
5. Наторп П. Избранные работы. М.: Территория будущего. 2006. 384с.
6. Спиноза Б. Трактат об усовершенствовании разума // *Избранные произведения*. Т. 1. М.: Политическая литература. 1957. С. 317–358.
7. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. М.: Логос. 1997. 227 с.

References

1. Kalinnikov, L. A. (2023). *Razgovor o filosofii I. Kanta. Chast' 1 (k 80-letnemu yubileyu L. A. Kalinnikova)* [A conversation about the philosophy of I. Kant. Part 1]. In: *Philoso FAQ – YouTube*. (In Russian). <https://www.youtube.com/watch?v=imoeJwdVojo&list=PL48Q51pndTVmUbv2jLXV6Ert3dnUd3dU&index=1>
2. Kant, I. (1963). *Sochineniya [Writings]*, 6 (1). Moscow: Mysl. 543 p. (In Russian).
3. Kant, I. (1964). *Sochineniya [Writings]*, 6 (2). Moscow: Mysl. 611 p. (In Russian).
4. Perov, Yu. V., Sergeev, K. A., & Slinin, Ya. A. (2000). *Antropologicheskoe izmerenie v transcendental'noj filosofii Kanta Yu. V. Perov, K. A. Sergeev, Ya. A. Slinin. Ocherki istorii klassicheskogo nemeckogo idealizma* [The Anthropological dimension in Kant's Transcendental Philosophy] (pp. 268–341). St. Petersburg: Nauka. (In Russian).
5. Natorp, P. (2006). *Izbrannye raboty [Selected works]*. Moscow: Territoriya budushchego. 384 p. (In Russian).
6. Spinoza, B. (1957). *Traktat ob usovershenstvovanii razuma. [A treatise on the improvement of the mind]* In: *Izbrannye proizvedeniya. Tom 1. [Selected works. Vol. 1]* (pp. 317–358). Moscow: Politicheskaya literatura.
7. Hajdegger, M. (1997). *Kant i problema metafiziki [Kant and the problem of metaphysics]*. Moscow: Logos. 227 p. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the autor:

Кучеренко Александр Владимирович — доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социально-правовых и естественно-научных дисциплин Курской академии государственной и муниципальной службы, Курск, Россия.

Kucherenko Alexander Vladimirovich — Associate Professor, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Socio-Legal and Natural Sciences of the Kursk Academy of State and Municipal Service, Kursk, Russia,

kucherenkoav@yandex.ru